
Мой адрес - не дом и не улица...

Глава IV

О тех, кого люблю

Одно время в Москве существовала биржа труда, точнее сказать, биржи. На одной из них собирались актеры периферийных театров, там они договаривались с режиссерами, директорами и получали приглашение на работу в разные города — Орел, Липецк и другие. А еще одна биржа являлась местом встречи музыкантов, которые договаривались играть на танцах. Володя Михалев посоветовал мне сходить на биржу и объяснил, как туда доехать. Это была в то время реальная возможность найти работу.

В обнимку с контрабасом я помчался по указанному адресу, и буквально через несколько минут ко мне подошли музыканты, тоже с инструментами, и задали всего два коротких вопроса: «Свободен? «Опавшие листья» сыграешь?». «Сыграю», — ответил я, не веря в свою удачу. «Все! Поехали!». И я отправился с ними и с контрабасом на танцы. И заработал первые деньги.

Сейчас я думаю: как же мы тогда верили друг другу, не опасались ничьей агрессии, не ждали подвохов. Наверное, сегодня 18-летний парень с дорогим инструментом просто испугается предложения взрослых «дядек» неизвестно куда

ехать и играть «Опавшие листья». А тогда я запросто «катал» с музыкантами на танцы и получал за игру в оркестре по тем временам большие деньги — 10 рублей, но и работать приходилось по 6 — 7 часов. От долгой игры на контрабасе все пальцы «украшали» мозоли. Но я был счастлив...

Однажды мы с Володей Михалевым гуляли по Москве и зашли в шашлычную на улице Герцена. Тогда я впервые попробовал цыпленка-табака... Мы с ним хорошо посидели, даже выпили, и он уехал домой. А я побрел по улице Герцена и дошел до памятника Петру Ильичу Чайковскому. Так состоялась моя первая встреча с консерваторией и памятником. Боже, какой прекрасной, полной открытий, встреч, неожиданностей являлась моя жизнь в молодости! Как я сегодня рад этому, потому что это и был тот светлый и чистый ручеек, который стал большой и по-прежнему светлой рекой.

Конечно, когда-нибудь я обязательно оказался бы у здания консерватории, но как здорово, что это произошло именно тогда, в тот замечательный вечер. Из открытых окон неслись божественные звуки, какие-то особенные люди с музыкальными футлярами шли мимо меня в это прекрасное и не достигаемое для меня здание, и... я заплакал, сознавая, что мне никогда в жизни не доведется учиться в его стенах. И вдруг я отчетливо осознал свою главную цель и мечту в жизни — стать студентом консерватории.

Я стал ездить на улицу Герцена каждый месяц. Приезжал и стоял, слушал, дышал, жил атмосферой консерваторского мира.

А между тем судьба продолжала преподносить мне сюрпризы. В 1961 году я, окончив с красным дипломом техникум, подал документы в Московский институт геодезии и картографии. Экзамены там начинались 1 августа. И надо же было такому случиться, что именно в этот момент меня пригласили в оркестр, который аккомпанировал известному в то время певцу Эмилю Горовцу. До этого я уже имел опыт работы в оркестрах нескольких ресторанов и

Выступление в составе эстрадного оркестра

кинотеатров, и все благодаря тому, что, учась в вечерней музыкальной школе и в техникуме, все время «крутился» со своим контрабасом на бирже, где и получал работу.

Конечно, постоянно жить в таком ритме «степа» напряженно и нелегко. Очень осложняло мою жизнь, создавало дополнительные трудности отсутствие московского жилья. Я все время курсировал из общежития в Подольске (опять-таки не один, а с контрабасом) в столицу и обратно. Мои родители, люди с ангельским характером, очень за меня переживали, но с советами не лезли. Хотя мама мечтала, чтобы я стал инженером, а отец вообще был согласен на любую «настоящую» профессию. А мне хотелось только играть в оркестре.

Дирижировал оркестром, куда меня пригласили, Левон Мерабов, уже тогда прославившийся на всю страну выступлением вместе с певицей из Англии Джерри Скотт. Мерабов очень много работал в кинотеатрах, в те времена перед сеансами зрителей всегда ждал небольшой концерт, и, надо сказать, там выступали очень неплохие певицы и певцы.

С Леоном Мерабовым меня познакомил Володя Михалев, а через какое-то время я узнал, что оркестру Валентина Воронинского, который играл в гостинице «Советская», нужен контрабасист. Пришел туда, со мной поговорили и... приняли. Я потом полгода играл в оркестре Воронинского и еще подрабатывал в кинотеатре «Метрополь». Там в оркестре было четыре саксофона, ударник, контрабас, две трубы, два тромбона и выступала певица, коронным номером которой была популярная песня Андрея Эшпая «А снег идет...» Помню, приходилось играть перед пятью или шестью сеансами. Вот это была школа!

Мне посчастливилось с самого начала: я общался с очень талантливыми людьми, хорошими музыкантами — Миха-

левым, Мерабовым, Воронинским, Смагиным! Это Богом отмеченные педагоги, и то, что я состоялся, — их заслуга.

Мне интересно было работать с разными оркестрами, я чувствовал, что у меня что-то получается, но все время хотелось изведать нового... Мечтал о сольной карьере и безумно хотел играть джаз. Когда волею судьбы мне повезло, и я попал в команду музыкантов-импровизаторов Германа Лукьянова, Игоря Высоцкого, Владимира Журавского, то просто был счастлив.

В 1961 году мы приняли участие в первом Московском джазовом фестивале и стали его лауреатами. В это же время меня пригласили работать в «Москонцерт» в качестве аккомпаниатора певцу на профессиональной эстраде. Мне выдали удостоверение, подтверждающее мою должность артиста оркестра «Москонцерта», и установили оклад в 156 рублей. Итак, в 61-м году мне было 18 лет, я уже имел определенный статус на эстраде и большой оклад — это стало для меня свершением чуда, хорошим стартом в высокое

Выступление симфонического оркестра

искусство. С тех пор прошло более 40 лет, а я не перестаю удивляться щедрости судьбы, обласкавшей меня на пороге большой творческой жизни.

Отъезд на первые гастроли с оркестром «Москонцерта» назначили на 1 августа, и в этот же день по иронии судьбы начинались экзамены в институте геодезии, куда я подал документы. Немного помучившись, я сделал свой выбор: уехал на гастроли на Украину, куда мы повезли еврейскую программу Эмиля Горовца «Мы с вами где-то встречались».

Проработав почти год, я понял, что мне необходимо продолжить образование, в первую очередь, музыкальное. Опять же спасибо Володе Михалеву, что он привел меня в училище им. Ипполитова-Иванова к своему педагогу М.С. Фокину, создавшему свою «школу» игры на контрабасе. Михаил Семенович, будучи выдающимся музыкантом и педагогом, сам играл в оркестре Большого театра. Он был очень строг к ученикам, но я, видно, ему понравился. Фокин внимательно отнесся к моим «музыкальным желаниям» и высказал резюме: «Ты много хочешь, но еще ничего не умеешь. Но то, что ты уже сегодня можешь предъявить, вселяет надежду, что у тебя все получится». Я так боялся, что Михаил Семенович мне откажет, что пока он говорил, у меня даже спина взмокла от волнения. А когда он сказал, что верит в мои музыкальные возможности, мне показалось, что у меня крылья выросли, и мне захотелось взлететь!

Полученное в техникуме образование позволяло зачислить меня сразу на второй курс училища по общеобразовательным предметам, а по специальности — на первый курс. Но возникли новые сложности: на дворе стоял сентябрь и все зачисления уже завершились. И опять на помощь пришел мой друг Володя Михалев. Буквально взяв меня за руку, он привел меня к директору училища Елене Константиновне Гидевановой — она к нему очень хорошо относилась, а он ее просто обожал. Войдя ходатаем в кабинет Елены Константиновны, Володя сразу стал перед ней на колени и произнес пламенную речь. Для меня все это стало полной неожиданностью, я растерял-

ся... Помню только, как Володя сказал: «Елена Константиновна, пожалуйста, зачислите его, он очень одаренный музыкант, и, я уверяю вас, вы еще будете гордиться тем, что он ваш ученик. Он прославит наше училище». Шел 1962-й год, и ни Пугачевой, ни Зыкиной среди студентов «ипполитовки» не значилось.

В результате все мытарства по оформлению закончились, и я был зачислен на первый курс музыкального училища (по специальности) и на второй курс — по общеобразовательным предметам. Я стал усердно «пилить» контрабас под руководством Михаила Семеновича по 6—7 часов в день. Чтобы не тратить время на переезды, я стал жить у своего друга Толи Герасимова, у которого была удивительно добрая и дружная семья. Я целый год обитал у Герасимовых в их двухкомнатной квартире на Краснопрудной улице, в доме № 1 — доме Министерства путей сообщения. Отец Толи Герасимова (ныне покойный) был генералом, заместителем министра путей сообщения. С Толей, который младше меня на год, мы очень дружили. Он стал всемирно знаменитым джазовым музыкантом. Вообще, я счастливый человек, у меня с друзьями всегда складывались уважительные и надежные отношения.

В 1962 году я познакомился с Мишей Ковалевским и Аликом Тартаковским, и мы вскоре объединились в концертное трио — фортепиано, ударник и контрабас. Очень много интересного и яркого подарила мне встреча с Юрием Саульским, который помог нашему трио сделать записи нескольких пьес на радио, а это уже были сложные профессиональные работы.

Но вот мне стукнуло 19 лет, и наступило время, когда меня, как и всех здоровых парней, должны были призвать на службу в армию. И чтобы решить этот вопрос, я пошел на очередной вираж «судьбоустройства» и отдал документы в автомеханический институт — там была военная кафедра, что давало право на освобождение от армии. По времени у меня все отлично распределилось: в училище Ипполитова-Иванова я занимался вечером, днем должен был посещать лекции в институте, а все остальное время, которое

я выкраивал бы из учебы, планировал целиком отдавать деятельности артиста оркестра Мосэстрады.

Итак, в 19 лет я имел в кармане три удостоверения своей личности. Надо сказать, что все эти разнообразные ипостаси прекрасно уживались в моей повседневной жизни. Но вот беда: с первого курса студенты автомеханического института проходили практику на заводе, тем более, что я являлся студентом дневного отделения. На практику меня отправили в литейный цех завода им. Лихачева, и это был самый грязный на производстве цех. Обидеться на судьбу я не успел, потому что, опять-таки, меня спасла музыка. На бирже я неоднократно встречался с очень милым парнем, его звали Фима, фамилии его, к сожалению, не помню. Оказалось, что этот Фима на нашем заводе руководит художественной самодеятельностью. Он очень быстро перевел меня чертежником в конструкторское бюро, и я получил четвертое удостоверение, подтверждающее, что я сотрудник завода им. Лихачева. Неделю я работал на заводе, неделю учился. Платили мне за работу 30 рублей. Главной моей трудовой обязанностью, конечно, являлось участие в концертах художественной самодеятельности. Так продолжалось два года. Вымотала меня эта «карусель» до невозможности. Выхода не было, бросишь институт — пойдешь в армию, бросишь училище — это же моя жизнь! А перестанешь выступать — умрешь с голодухи. Что делать, я не знал.

В это время в моей судьбе произошли очень серьезные перемены: я стал студентом Московской консерватории. А дело было так... В консерваторском симфоническом оркестре произошло ЧП. Один музыкант остался в Японии, а контрабасист, который одновременно являлся и концертмейстером, стал жертвой несчастного случая. Словом, осталось в консерваторском симфоническом оркестре только три контрабаса, и срочно требовался музыкант и концертмейстер группы контрабасистов.

Руководитель коллектива Михаил Никифорович Тэриан был одновременно дирижером и руководителем оркестрового класса и в училище, и в консерватории. И как-то после одной из репетиций он сказал: «Юра, наверное, тебе

придется переходить в консерваторию, и ты будешь играть в нашем оркестре». Я, конечно, очень обрадовался этой перспективе, но не мог поверить в реальность такого везения. Декан оркестрового факультета Гайдамович особенно не возражала, она просто сказала: «А как мы можем его взять в оркестр, если он не студент консерватории?». Тогда Тэриан твердо заявил: «Он будет нашим студентом! В училище у него сданы все предметы кроме специальности. А ее он сдаст».

В общем, забрал я из училища документы и принес их в консерваторию. Там собрали комиссию, я очень средненько сыграл «специальность», и Михаил Никифорович Тэриан зачислил меня студентом консерватории. Кстати, автоматически этим зачислением я получил отсрочку от армии. Это был конец 1964 года. Незабываемое время! Кафедрой виолончели и контрабаса заведовал гениальный Ростропович, ректором был Свешников, мой класс контрабаса вел профессор Андрей Иванович Астахов, он тоже играл в оркестре Большого театра... Учился я с Гришей Ковалевским, который сейчас является директором «Виртуозов Москвы».

Думал ли я в 1958 году, плача у памятника П.И. Чайковскому и горько переживая, что никогда не стану студентом консерватории, что через несколько лет сбудутся мои самые смелые мечтания. Сейчас, когда звучат слова песни «Не надо печалиться, вся жизнь впереди... Надейся и жди», я верю, я знаю, что если действительно чего-то хочешь, то так и будет.

1964 год стал своеобразным итогом всего, чего мне удалось добиться. Закончилось время определения и становления — началась эра развития и утверждения. Когда родился мой сын Дима, я сразу одну из главных целей своей жизни определил так: «Чтобы у него все было вовремя». В 17–18 лет, когда поступают в консерваторию, у ребят совсем другая психология, и это упрощает решение постоянно возникающих проблем. А мне тогда шел 22-й год, и, рассматривая ситуацию с позиции взрослого человека, я, естественно, ее усложнял.

Втянувшись в ритм московской жизни, я стал реже ездить к родителям — один или два раза в три месяца.

С 1962 года я был по собственному желанию по горло загружен работой, учебой, реализацией различных проектов и вырваться из этой круговерти просто не мог. Вспоминая те времена, я чувствую вину перед родителями за свое поведение и бесконечно благодарен им за терпение и благородство. Никогда мама и отец не высказывали недовольства или каких-то требований по отношению ко мне. Они просто любили своего сына и принимали его таким, каким он был. Родители гордились моими успехами, моей востребованностью в столице и испытывали огромное уважение к моим творческим занятиям.

С возрастом начинаешь мудрее и серьезнее относиться к своему прошлому и к людям, которые дали тебе жизнь. Меня с детства окружали добрые и думающие люди. Я не

Луи Армстронг

помню в своей семье криков, скандалов. У нас разговаривали негромкими голосами, детей не обижали. Много читали — как я уже говорил, мама почти 20 лет проработала библиотекарем, она приносила домой книжные новинки и обязательно «Роман-газету». Но не могу сказать, что я очень начитанный человек, нет, к сожалению. Раньше я читал только то, что полагалось знать по программе. С возрастом полюбил Ф.М. Достоевского за глубину проникновения и понимания душевных человеческих страданий. Детективы, которые сегодня заполнили книжные прилавки, я не люблю, фантастику тоже, а мемуарная литература, исторические книги, книги о Великой Отечественной войне — это мое, то, что «питает» меня в жизни.

Люблю читать книги о музыкантах и музыке, особенно о джазе. Беседы о джазе, о котором могу говорить часами, — это «генетика моего сердца». Когда-то я очень любил передачу «Голос Америки», потому что она ассоциировалась с голосом Эллы Фитцджеральд и Луи Армстронга.

Конечно, доброта и тактичность родителей определила и мой характер. С детства я читал и слушал, что хотел, главное, никто не навязывал мне своей воли.

В церковь мои родители не ходили, они были атеистами, как и большинство людей того времени. Но никакого отрицания православной веры никогда не высказывали. Веру и верующих они уважали. Сейчас-то я понимаю, что такая позиция в отношении религии была выбрана отцом и мамой неспроста. За веру тогда карали, а у них не было ни сил, ни времени бороться и доказывать свое право на свободу выбора... Во всем их поведении, образе мыслей чувствовалась культура и вера в душе, что Бог есть, но внешне они не проявляли свою набожность, не желая вступать в дебаты на столь запретную тему. Для них вера в Бога проявлялась в порядочности, справедливости и совести творимого на земле.

Жили они очень скромно, и хотя Подмосковье — это практически город, они оставались по образу своей жизни селянами: участок в шесть соток, небольшой домик, сарайчик. Зато на участке все сказочно хорошо: таких слив и вишен я не ел больше никогда, а какая у них была картошка!

Помидорчики! Они даже разводили кроликов. Жили они в городе Чехове на улице Береговой, в доме, который строили мы с отцом. Для меня во всем огромном мире это самый дорогой и светлый дом — там дух моих родителей и там живет моя сестра Женя. Два раза в год я обязательно езжу в Чехов и подолгу сижу на кладбище, мысленно отчитываясь перед родителями за все, что сделал. Я люблю и помню их, благодарю за все добро и чистоту, которые они мне подарили, за то, что на собственном примере научили меня быть человеком. Сижу на их могилке и вспоминаю, как они встречали меня, как радовались каждому моему приезду. Отец выращивал в Чехове виноград, и у него всегда было необыкновенно вкусное домашнее вино, а какую картошечку с лучком и салцем подавала на стол мама! Все годы их жизни наш дом был настоящим семейным очагом.

Когда родители переехали из Калининграда в Подмосковье, они перевезли туда из Чеботовки бабушку Аришу и тетю Маню — это мамины родичи. Бабушка Ариша, когда ей исполнилось 90 лет, запросилась назад в Чеботовку, там и умерла. Тетя Маня после этого вернулась в Чехов, а в 1976 году ее тоже не стало. Моя мама умерла в 72 года, отец пережил ее всего на год, 50 лет они были рядом, и ему, конечно, без нее на земле приходилось очень трудно, у них же все всегда было на двоих — и радости, и горести.

А как они широко, с душой отмечали четыре официальных праздника: день Октябрьской революции, 1 Мая, 8 Марта и День танкиста. Новый год особых эмоций у них не вызывал, а дни рождения почему-то они не отмечали. Тогда к праздникам многие относились совсем иначе, чем сейчас. Это как в песне: «Сегодня не личное главное, а сводка рабочего дня...». Я ведь недаром с такой болью вспоминаю «черные» девяностые. Мамы не стало в 93-м, отца в 94-м, еще раньше распался Советский Союз, а для моих родителей страшнее беды не было, разве только Великая Отечественная война.

Отец тогда очень горячился, он даже кричал, что редко с ним случалось: «Это не та демократия, что нужна людям. Мы жизнь отдавали, мы воевали не за демократию, а за

советскую власть, за союз нерушимый республик свободных...» Отец очень верил в советскую власть и считал, что, хотя и есть перегибы, от которых он и сам пострадал, но основные социальные позиции народ может считать защищенными. Пенсию тогда родители получали по 132 рубля, да еще у отца была надбавка, так что они не нуждались.

Однажды, когда я начал выступать с «Самоцветами», я приехал в Чехов. По этому поводу собралась вся наша родня. Приехал без подарков, но спачкой денег, и когда мы посидели, поели-попили, я решил всех порадовать и стал раздавать по 25 рублей. Они были такие довольные! В моей пачке оказалось 500 рублей, и я все их раздал, но, если честно, лучше было подарки привезти — рубли-то им не на что было тратить, они у них имелись, только купить было нечего. По тем временам мои родители считались обеспеченными людьми. У них даже машина была — «Москвич», и на своих сотках они построили гараж. Я им активно помогал в этом строительстве.

В консерваторском оркестре мне довелось встретиться, учиться в одной группе и играть с музыкантами, которые позднее стали гордостью нашего искусства. В группе, помимо занятий струнников, а я струнник, проходило еще обучение игре с оркестром и владению малыми формами — трио, квартет, секстет... Мне по учебной программе довелось играть в секстете, где первой скрипкой был Олег Каган, второй — Григорий Жилин, а на виолончели играла Виктория Яглинг. Все они стали выдающимися музыкантами, отмеченными многими званиями и наградами. А тогда я вместе с ними исполнял «Секстет» М. Глинки — виртуозное камерное произведение. Это был наш выпускной концерт, и все мы получили «пятерки» и подписи в дипломах величайших музыкантов XX века — Ростроповича и Свешникова.

Забыть это время сбывшихся мечтаний невозможно! Два раза в неделю в Большом зале консерватории я выходил на сцену в составе нашего симфонического оркестра.

Один раз в неделю в Малом зале консерватории выступал камерный оркестр, где я один играл на контрабасе (а в симфоническом оркестре нас, контрабасистов, было шестеро). Памятью я очень часто возвращаюсь к тому времени и благодарю судьбу, подарившую мне возможность жить, работать, учиться и общаться с людьми, ставшими легендами. И все это в мире музыки, добра и красоты — именно так я оцениваю атмосферу великого храма музыки — Московской консерватории тех лет. А какие прекрасные музыканты учились одновременно со мной! В. Спиваков, В. Ланцман, В. Кастельский — он был чуть старше нас и занимался в аспирантуре. Это великая личность, настоящая энциклопедия, он так много всего знал! Я про себя его называл феноменальной библиотекой и феноменальной фонотекой. В последние годы работы В. Кастельский являлся деканом фортепьянного факультета — это самый высокий пост в области фортепьянной музыки. Человек, выросший в атмосфере эстрадного искусства (его мама работала

Подготовка к свадьбе. 1966 год

в Мосэстраде и была известной эстрадной танцовщицей), он беззаветно любил и хорошо знал джазовую музыку, хотя всю свою жизнь посвятил музыкальной педагогике и был верен классическому искусству.

Как я уже говорил, мне очень хотелось, чтобы мой сын стал музыкантом и получил образование в консерватории. Дима родился в 1970 году, а я уже думал о том, как он пойдет учиться в музыкальную школу, потом в училище при консерватории и, наконец, окончит консерваторию. Почему-то я был уверен, что мой сын обязательно будет рожден «с музыкой в крови» как Сирано «с солнцем в крови»... Так и случилось. Дмитрий Маликов окончил консерваторию с красным дипломом. Для него так же, как и для меня, консерватория и все, что с ней связано, свято. Мы вместе с ним создали Благотворительный фонд и учредили «Грант-стипендию» им. Кастельского, которая присуждается раз в год

Московская консерватория

студенту третьего курса, проявившего себя на творческом поприще. Наше с Димой предложение нашло отклик у руководства консерватории, эту идею поддержали знаменитые музыканты-профессора. И будущие наши звезды получают возможность хотя бы чуть-чуть улучшить свою жизнь, ведь стипендия в несколько сот рублей, которую студент получает, не может обеспечить ему нормальное существование. Так будем же добры к тем, кто придет на сцену после нас, и кто сегодня, обладая молодостью и талантом, делает все, чтобы стать профессионалом.

Я помню, как помогали мне и сколько доброго сделали люди, с которыми случайно сводила меня судьба. Разве могу я забыть Володю Михалева? Рассказ о нем лейтмотивом проходит через все мои воспоминания. Если бы не встреча с ним в подольском парке и не его участие в моей жизни, неизвестно, как сложилась бы моя судьба. Он был рядом весь первый период моей жизни. Потом Володя перешел в военный оркестр Академии им.Фрунзе, там он дослужился до военной пенсии. Я счастлив, что мне удалось оказаться ему полезным. Выйдя на пенсию, Володя стал нашим администратором, потом работал с Димой, был заместителем директора его коллектива. Он ездил на гастроли, обеспечивал рекламу и вообще вел активный образ жизни. Его уже нет с нами и, отдавая дань памяти моему другу Володе Михалеву, я низко кланяюсь ему и храню безмерную благодарность как музыканту и человеку. Никогда не забуду того доброго и светлого, что он сделал для меня.

Учеба в консерватории не только сформировала меня как музыканта-профессионала. Это был период насыщения культурой, той культурой, которая способствует созданию личности. Музеи Москвы, библиотеки, концертные залы, театры — все это стало составной частью моей каждодневной жизни. В это время я побывал на многих интересных концертах, кстати, ходил туда по студенческому билету. Я видел совсем рядом Святослава Рихтера, Эмиля Гилельса, Давида Ойстраха, Арама Хачатуряна. Мог бы дотронуться до самого Дмитрия Шостаковича! Теперь это кажется сказкой, что они ходили по улицам, бывали в консервато-

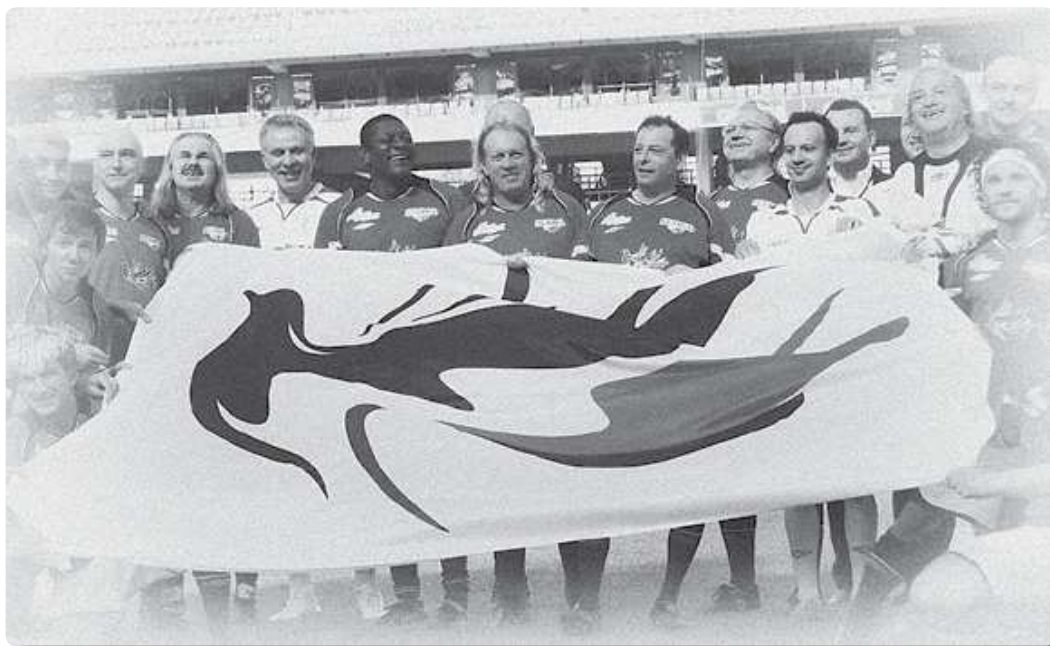
позиторов. Мы с Люсей переехали в дом композиторов на Преображенке, и это была наша первая собственная квартира в Москве. В этом доме мы соседствовали с очень известными людьми — В. Данченко, Л. Исакадзе, Л. Мондрус, Э. Беляевой, В. Крайневым, А. Лукиновским и другими.

Из этого самого дома в 1970 году я уехал на выставку «Экспо-70» в Японию на целых восемь месяцев, оставив в новой квартире Люсю и крошечного Димочку. Конечно, это поездка решила многое в моей творческой судьбе. Я как аккомпанирующий музыкант был не очень доволен отведенной мне в оркестре ролью, и, видимо, эта неудовлетворенность подстегивала меня и сподвигла на достижение ощутимых результатов. Контрабасом я владел в совершенстве, так что в группу, уезжающую в Японию, попал не случайно. Перед поездкой я уже получал предложения очень заманчивого характера: меня приглашали в оркестр Большого театра, но идти в оркестр даже ГАБТа мне не хотелось. Я жаждал сценической деятельности, мечтал творить на сцене, смотреть со сцены в зал, и мой возраст тогда позволял надеяться на реализацию даже самых фантастических идей. А тут еще я попадаю в Японию и... «заболеваю» поп-музыкой.

Я пишу эту книгу для того, чтобы вспомнить, что было, посетовать, что не все задуманное удалось, немножко себя похвалить, чуточку поругать, вспомнить тех, кого нет, и сказать спасибо тем, кто рядом. Мне хочется как летописцу собрать воедино разрозненные страницы всей моей жизненной и творческой истории. Конечно, где-то я повторяюсь, но книга пишется не за один присест, и память возвращает к тому, что стало главным в жизни. Я уже не молод, возраст и сделанное позволяют мне быть категоричным в каких-то оценках, хвалить достойное на мой взгляд и не принимать многое из того, что сегодня случайные люди в искусстве пытаются выдать за настоящее и главное. Я бы никогда не осмелился взяться за создание книги раньше, скажем, пятнадцать лет назад, хотя все, о чем мне хочется рассказать, происходило в основ-

ном до 1990-го года, но в начале 90-х годов вспоминать о 70-х было просто неприлично.

В середине 90-х годов произошло одно событие, которое я могу назвать этапным в своей судьбе. Связано это событие с футболом и командой «Старко». Я тогда автоматически был включен в эту команду и отбыл в ее составе в город Саратов, куда нас пригласило руководство области и мэрии. В мероприятии была задействована сборная команда правительства Саратова и наша команда артистов. В футбол я немного играю, бегать с мячом люблю, но понимал, что и возраст не тот, и тренировки нет. Зато я оказался очень нужным там, где другим было делать нечего: я мог постоять у ворот, подавать мячи, побегать чуть-чуть тоже мог. После футбола возник традиционный вопрос — где звезды эстрады? Меня прямо в лоб спросили: «А ты зачем здесь, если твоих «Самоцветов» рядом нет?». В 94-м году «Самоцве-

Благотворительный матч на стадионе «Локомотив»

тов» действительно уже не было. Действие происходило 12 июня – в национальный праздник России. Юра Давыдов мне говорит: «Слушай, а давай в финале что-нибудь споем, у тебя диск есть?». Диск, конечно же, у меня имелся, и мне, честно, было невдомек, что записанная на этом диске песня «Мой адрес – Советский Союз» прозвучит так, как надо. В результате мы сели с Юрой и друзьями в машину и дали несколько кругов вокруг стадиона, открывая рот под звучание знаменитого шлягера. Кругом кричали «ура» и подпевали дружно, как никогда. Меня это удивило. Я-то думал, что нас забыли и песни «Самоцветов» уже никому не нужны, а тут такое! Мне даже в голову не могло прийти, что наш ансамбль может возродиться. Тогда ведь не только нас не стало на эстраде – почти не пела Валентина Толкунова, не слышно было «Песняров», а «Голубые гитары» и «Веселые ребята» просто перестали существовать. Тогда я и подумал: «А вдруг еще все может вернуться, и мы снова, как прежде, станем востребованными?».

Через какое-то время мы той же дружной командой поехали в Германию, и там, в огромном зале Дюссельдорфа, где билеты продавались по 100 марок, в финале концерта исполнили «Мой адрес – Советский Союз» – спели песню вместе с залом! Тут все сомнения и неуверенность в нужности моего «дела» исчезли, растворились в реакции зрительного зала. Я понял: «Все еще впереди... надейся и жди».

Кстати, и мысль о написании книги сформулировалась тогда очень четко. Да, книга должна быть написана, в ней найдет отражение история «Самоцветов» и лучших песен, исполненных ансамблем. Что такое «Самоцветы»? Это не конкретное слово, а очень широкое емкое понятие. Когда я называл этим именем созданный мною коллектив, то размышлял так: это будет не конкретное собственное имя чего-то или кого-то одного. Самоцветы – это камни, сверкающие разными гранями, что-то очень светлое, что должно дарить людям радость, добро, веселье, грусть, одним словом, – создавать настроение. И все это рождается от песен – у нас даже песня одна называлась «Самоцветы»:

*«В нашей жизни песни —
Мира добрый вестник,
Пусть же станут добрыми сердца».*

Эта песня и стала своеобразной характеристикой, лейт-мотивом «Самоцветов».

Уже во второй половине 90-х годов репертуар нашего ансамбля начал звучать в другом исполнении. Например, песню «Увезу тебя я в тундру» выбрал для своих ребят Бари Алибасов.

В мае 1995 года меня пригласили принять участие в передаче «Золотой шлягер», которая была посвящена Поладу Бюль-Бюль оглы, кстати, мы с ним когда-то вместе учились в консерватории. И вдруг Наталья Шиманкова, редактор «Золотого шлягера» (в прошлом она была солисткой ВИА «Поющие сердца», так что не чужой нам человек), предложила мне собрать музыкантов из «Самоцветов» и попробовать сыграть.

На творческой встрече со зрителями. 1980 год

Я обзвонил всех наших артистов и тех, кто с нами когда-то работал: от Льва Лещенко до Светланы Моргуновой. Была отснята 40-минутная передача, которую потом показали по Первому каналу ТВ. Самое удивительное, что это передача имела эффект разорвавшейся бомбы. Редакцию завалили письмами, и в один голос все зрители требовали: повторить! Это стало толчком к возрождению «Самоцветов», и с 1996 года мы обрели вторую молодость вопреки нашей песне «Не повторяется такое никогда!». Оказалось, что нас ждали и мы нужны. Это здорово!

Так что наш 25-летний юбилей стал своеобразным предвестником возрождения интереса к старым песням, которые говорили «о главном». И тут я окончательно понял, что поторопился с прощанием со своим ВИА. Никто не хотел с нами расставаться: мы были приглашены на юбилейные мероприятия комсомола, БАМа, стали участниками возвращения к человеческим и духовным ценностям, формирующим личность при любом строе.

И мне очень захотелось высказаться по этому вопросу и другим волнующим меня проблемам, вспомнить людей и песни — этот великий союз голоса, музыки, вдохновения и мысли. Именно союз — потому что мы, «самоцветы» — единое целое, и все, что сделали, мы сделали вместе.

В 1973 году мы принимали участие в международном фестивале, который проходил в Германии. Представлять искусство своей страны на таком престижном форуме было делом чести и вызывало законную гордость. В Берлине нас встречали огромные толпы народа с приветственными лозунгами и транспарантами. Естественно, встречали не только нас, а всех участников фестиваля, но чувствовать себя одним из них было очень приятно. Мы просто «купались» в океане всеобщей любви.

Но эйфория восторга постепенно начала ослабевать под тяжестью нечеловеческой усталости от бешеного

ритма, предложенного организаторами фестиваля. На мой взгляд, организаторы, составляя график выступлений, просто не учитывали возможности человеческого организма.

В день мы давали по несколько концертов, переезжали с места на место со скоростью реактивного самолета. Иногда за целый день ребятам не удавалось ни поесть, ни даже попить. Я не шучу — смотреть на них было просто страшно: бледные, измученные. В их глазах читалось одно желание — рухнуть, отключившись от шума, гама, разноголосья и собственного участия в этом хаосе звуков.

В таком состоянии после пяти многочасовых концертов без перерыва «на обед», мы однажды поздно вечером добрались до гостиницы. Ребята разбрелись кто куда, а я побежал в штаб узнать расписание на завтра. Надо сказать, что фестивальное веселье и ночью не затихало. Музыка, песни и радость били ключом на улицах города круглые сутки. Ничего удивитель-

БЛАГОДАРНОСТЬ

ВИА "Самоцветы"

*Международный оргкомитет "Комсомол-90"
выражает Вам благодарность
за Вашу верность комсомольским традициям,
уважение к славной истории Ленинского комсомола
и искреннее отношение к комсомольскому братству.
Спасибо Вам за активную помощь
и личное участие в организации мероприятий,
посвященных 90-летию ВЛКСМ.*

Сопредседатели Международного оргкомитета

"Комсомол - 90"

Е.М. Тяжелников
Е.М. Тяжелников

Б.Н. Пастухов
Б.Н. Пастухов

В.М. Мишин
В.М. Мишин

И.Д. Кобзон
И.Д. Кобзон

Л.И. Швецова
Л.И. Швецова

ного не было в том, что в штабе я получил новое задание: быстро грузиться в автобус и сопровождать И.Д. Кобзона на его концерт, где по случаю отъезда «Песняров» аккомпанировать ему должны были «Самоцветы».

Представитель ЦК ВЛКСМ Л.И. Матвеев был возмущен моим отказом от этой поездки, хотя я приводил очень убедительные аргументы: Кобзон и «Самоцветы» всегда выступают живьем, при всем уважении к артисту музыканты без репетиций не могут сопровождать его выступление. Это во-первых. Во-вторых, ребята сегодня 12 часов уже отыграли перед зрителями и физически не могут выйти на сцену. В-третьих, я просто не знаю, где их искать. И.Д. Кобзон на меня тогда обиделся, хотя позднее понял и «простил». А представитель комсомольской власти сразу вычеркнул нас из списка претендентов на звание лауреатов Ленинского комсомола.

«Самоцветы» все равно получили это очень уважаемое по тем временам звание, но это уже другая история. В 2003 году на одном торжественном мероприятии, которое отмечалось на сцене ГЦКЗ «Россия», я встретился сразу с пятью первыми секретарями, возглавлявшими ЦК ВЛКСМ в разное время: Е.М. Тяжелниковым, Б.Н. Пастуховым, В.В. Мишиным, В.И. Мироненко, В.М. Зюкиным. Все они тепло и хорошо говорили об ансамбле «Самоцветы», отмечая наши творческие заслуги и активное участие в общественно значимых акциях, проводимых в разное время ЦК ВЛКСМ. А когда я рассказал о том, как нас лишили заслуженного звания, то каждый из них «обеими руками» проголосовал за присвоение «Самоцветам» права называться лауреатом премии Ленинского комсомола и поставил свой автограф. Сейчас это звание никому не дают, и для нового поколения оно, я думаю, ничего не значит. Но для нас это высокая и уважаемая награда. И я горд тем, что И.Д.Кобзон пригласил нас как лауреатов премии Ленинского комсомола участвовать в концертной программе, посвященной 90-летию комсомола, которая состоялась в конце октября 2008 года.

Память то и дело возвращает меня в былые годы. Кажется, что-то происходило совсем недавно, а оглянешься и понимаешь, что прошло больше полвека. В 60-х, например, мы получали информацию в основном через радио. Конечно, нам хорошо было знакомо звучание гитары, которая особенно близка русскому человеку. Россия всегда славилась гитаристами, да еще какими! Но в «западной» подаче, с использованием техники, гитару мы слышали только по радио. Это была «электрическая гитара» совершенно новым для нас звуком. В музыкальном мире возникли тогда такие музыкальные явления, как The Beatles, Rolling Stones, Пресли и т.д. Спустя какое-то время у нас появились «Поющие гитары», «Голубые гитары», «Веселые ребята». Все они искали свой путь в искусстве — «Верасы», «Ариэль», «Сябры»... Песня и гитара объединились и вышли на эстраде в лидеры.

В это время на афишах появились анонсы новых концертов-дивертисментов. Сегодня это определение «подачи» программ забыто, как и другое определение «сборный концерт». Теперь почти все на эстраде преподносится как шоу, даже сольный концерт популярного исполнителя в афише обозначается как шоу такого-то и или такой-то. А тогда, в дни моей молодости, я очень много был занят в «сборниках». Обычно Михаил Гаркави, остроумный и веселый конференсье, объявлял наше трио так: «Эстрадный оркестр после сокращения штатов в Москонцерте». И на сцену выходил наш маленький инструментальный ансамбль — трио. Концерты у нас проходили ежедневно — то в летних парках, то в Театре Эстрады, то в Колонном зале или где-то в библиотеке... Объемы помещения значения не имели — лишь бы стоял рояль. Зачастую мы с концертами выезжали в областные филармонии. Наше трио выступало с замечательными, очень известными и любимыми в те времена актерами: Львом Мирковым, Марком Новицким, Геленой Великановой, Тамарой Миансаровой — мы тогда очень гордились ее победой в Сопоте, где она спела песню, ставшую для всех нас знаковой — «Пусть всегда будет

Мой адрес - не дом и не улица...

С Ниной Дорда на «Экспо-70»

Борис Брунов

солнце...». Нам посчастливилось в «сборниках» выходить на сцену с известными актерами кино и театра Михаилом Жаровым, Николаем Крючковым, Анатолием Кторовым, Серафимой Гиацинтовой.

Оглядываясь назад, завидую самому себе: я участвовал в одной концертной программе с легендами отечественного искусства Симоном Коганом, Мишей Банком, Аликсом Тартаковским... Таких солистов-инструменталистов как Симон у нас в России было всего двое: Цфасман и Коган. Мне с Симоном даже довелось аккомпанировать самой Изабелле Юрьевой. Это был знаменательный концерт, он считался долгие годы последним выступлением «белой цыганки» — после него она не выходила на сцену 20 лет. Когда Изабелле Даниловне исполнилось 90 лет, ей присвоили звание народной артистки России и чествовали в знаменитом тогда Театре Эстрады, которым руководил Б.С. Брунов. Это Борис Сергеевич уговорил Юрьеву после такого огромного перерыва вновь встретиться со сценой и зрителями, и он стал инициатором и организатором торжественного концерта в честь замечательной певицы.

Наше трио — Володя Сафонов, Симон Коган и я — у организаторов концертных мероприятий пользовалось авторитетом, который обеспечивал успех у зрителей, поэтому нас охотно занимали в самых разных программах. Конечно, каждый из трио занимался и индивидуальной творческой деятельностью на эстраде. До нашего трио С. Коган выступал с Виталием Понаровским, его дочь Ирина Понаровская — одна из самых интересных и узнаваемых вокалисток на нашей эстраде. С Виталиком я дружил очень долго и вспоминаю его как доброго и талантливого человека. Интересным оказалось творческое сотрудничество Когана с Беном Бенциановым, которому он аккомпанировал, когда тот приезжал из Ленинграда в Москву.

В общем, жизнь была ключом, и вдруг мне предложили войти в программу, подготовленную для «Экспо-70» в Японии. Из музыкантов там были заняты Юрий Гранов, и Николай Глубоков, гитарист-балалаечник и я.

Из певиц взяли Нину Дорду и Александру Стрельникову из Ленинграда. Все вместе мы создали яркую фольклорно-русско-советскую песенную программу, которую и повезли в Японию, где почти восемь месяцев радовали ею японских зрителей. Принимали нас очень тепло, это была настоящая русская программа – красивая, красочная, веселая и звонкая. Никаких потуг удивить «заграничным» мы не делали, и это стало нашей большой творческой заслугой.

Успех в Японии тоже неожиданно повлиял на мое решение сотворить что-то интересное и свое. Так что мысль о создании будущих «Самоцветов» у меня возникла в Японии – естественно, тогда это были фантазии на тему. Реализация же всех мыслей состоялась дома, среди своих.

В начале 1971 года нас пригласили на гостроли с командой программы «Товарищ кино». Тогда «Самоцветы» только начинали репетировать свою первую программу, мне

Земные радости

выпала огромная честь работать на одной сцене с уникальным актером, Великим мастером сцены и экрана Иннокентием Михайловичем Смоктуновским.

Наш маршрут проходил по городам Сибири. Фильм «Гамлет» тогда только вышел на экран, и имя Смоктуновского было у всех на устах. Им восторгались, любовались, его хотели видеть, и все стремились попасть на наши концерты. Меня от присутствия рядом такого артиста просто бросало в шоковое состояние. Я не мог поверить в реальность происходящего: Гамлет рядом со мной! Он здоровается, и мы идем с ним завтракать! О какой еде может идти речь, когда рядом принц Датский?

Я был поражен его интеллигентностью и добротой. Мне всегда казалось, что Смоктуновский — человек закрытый, и весь мир в его душе замкнут на надежный запор, и вдруг оказалось, что это открытый, душевно относящийся к людям человек, который в некоторых ситуациях проявлял себя неожиданно очень активно. Я был свидетелем, как он «поливал» областное начальство Томской области, где жила его сестра и откуда он родом.

А происходило это так: нас привезли в Томск сначала на концерт, потом на банкет. Столы ломались от изысканных угощений. Банкет должен был состояться на первом этаже в огромном зале с большими окнами, и около этих окон снаружи сгруппировались люди, которые, естественно, заглядывали в окна. Местная администрация распорядилась срочно эти окна зашторить и, глядя на эту суету, Иннокентий Михайлович громко сказал: «Зачем вы лишаете людей возможности посмотреть на продукты, которых они давно не имеют? Пусть народ узнает, что вы храните в своих холодильниках. У меня сестра здесь живет, так ее семья три года масла не видела».

А потом за столом, обращаясь к начальству, Иннокентий Михайлович сказал: «Зря вы все это затеяли. Мне неловко среди всего этого изобилия, когда народ, что стоит на улице, уже забыл, как выглядят настоящие продукты. По воле судьбы я участвую в этом мероприятии, но мне оно неприятно».

Все присутствующие обалдели, а я даже рот открыл от удивления. Редко кто посмел бы так резко обозначить свою

позицию, а вот Смоктуновский смог. По-моему, он был очень отважный человек. Как-то, заехав в «Мюзик-холл», я рассказал об этом эпизоде Александру Павловичу Конникову, и тот, выслушав меня, добавил: «Иннокентий Михайлович – человек смелый и к тому же очень доверчивый. Душа у него детская, он верит в реальность происходящего на сцене, и никакая тирания профессионализма не мешает ему сохранять непосредственное восприятие».

– Однажды, – рассказывал Александр Павлович, – я видел, как Иннокентий Михайлович ведет себя на просмотре детского спектакля. Это непередаваемо! Он воспринимал его так же, как маленький зритель: топал ногами, кричал, на лице его отражались волнение и тревога за положительных героев, и он всячески выражал свое отрицательное отношение к плохим героям.

– При этом, – подчеркнул Конников, – Иннокентий Михайлович совершенно не притворялся и не играл. Такова его

На телевизионной съемке программы «Под знаком зодиака». 1993 год

была естественная реакция. Это, конечно, великий дар, и многие им обладают. А вот Смоктуновский обладал!

Когда мы в программе «Товарищ кино» исполнили свой номер и получили в награду аплодисменты зрителей, за кулисами нас ждала еще одна награда. Подошел народный артист СССР И. Смоктуновский и, как бы благословляя нас на дальнейшее, сказал: «Юра, вы молодцы! Я уверен, у вас все получится и все будет хорошо. Так что дерзайте!». Сегодня, когда Иннокентия Михайловича нет, я, кланяясь памяти Великого артиста, могу сказать, что мы оправдали его веру в нашу интересную и долгую творческую жизнь, на которую он благословил нас одним из первых.

Ныне другие критерии оценок. Конечно, есть люди, которые и сегодня представляют честь, совесть и интеллект нации. Но уже на другом уровне — не с позиций Гамлета, а на уровне героев фильмов «Ночной дозор» или «Брат». А это совсем другая отметка на шкале человеческих ценностей, что на эстраде очень заметно. Почему на эстраде? Да потому, что я веду разговор, существуя в рамках этого направления в искусстве, и не чувствую в себе ни желания, ни возможностей решать на этих страницах глобальные вопросы деградации отдельных очень важных понятий и в искусстве, и в целом.

В мире эстрады проблема поколений очень четко вырисовывается: нам на смену приходят совсем другие люди — есть талантливые, бесспорно, но уж очень быстро, не успев реализоваться творчески, они становятся звездами. Журналы начинают публиковать материалы, рассказывающие об их личной жизни. Нам показывают их свадьбы, квартиры, виллы. Они открывают двери шкафов, распахивают двери своих спален и демонстрируют свои «сексодромы» — это не я, а одна певица придумала такое определение. Далеко не юная женщина, она продемонстрировала фотокорреспонденту свой дом и свои туалеты. Я против таких откровений. У актера всегда должна быть тайна. Смоктуновский был человеком с тайной, никто из чужих не видел ванны и спальни Гамлета.

Я развел это «брюзжание» не потому, что я против богатой жизни артистов эстрады, просто я за то, чтобы больше

писали и говорили о творческих моментах и эпизодах жизни. Давайте говорить о вдохновении, а быт пусть звезды разделяют с близкими людьми, кстати, и семейные проблемы тоже. А то достоянием всего мира делают редкое общение известного актера с бабушкой! Это что, тема для творческого разговора? Интересно, а свою-то бабушку журналист давно навещал или ему некогда: он все чужих расспрашивает об обидах, нанесенных именитыми внуками.

Меня радует, что сегодня у исполнителя есть много возможностей, есть индивидуальная подготовка. Фантазия человека свободна, и он имеет огромный потенциал для создания, как сейчас называется, творческого имиджа, то есть выявления индивидуальности через внешность, поведение, детали туалета. Хорошо бы еще и репертуар разнообразить, а не тянуть всем одну мелодию с разными, но одинаково бессмысленными текстами. Я думаю нужно пройти своеобразный этап вакуума, чтобы люди поняли, что талант — дар Божий — во многом определяется и формируется внутренним содержанием самого человека.

ВИА «Самоцветы». 1983 год

Теперь много говорят о том, что надо играть и петь «живьем», а играют и поют по-прежнему под фонограмму. Не все, конечно. Для того чтобы не прикрываться фонограммами, надо каждый день репетировать, да еще с полной отдачей. Для «Самоцветов» репетиция всегда была «конституцией», нарушать законы которой нельзя, даже если нам приходилось отрабатывать по три концерта в день.

Мне кажется, что в наше время творческие люди больше думали и о профессии, и о проблемах искусства, и о направлении творчества в целом. И уровень образования, конечно, многое решает в нашем деле.

К «Самоцветам» я подошел достаточно подготовленным не только как исполнитель, но и как администратор. Небольшой опыт организаторской работы у меня уже имелся — были какие-то отношения с редакторами «Москонцерта», администраторами, артистами и вокалистами, номера которых нуждались в музыкальном сопровождении. Я работал с Афанасием Беловым, Тамарой Кравцовой, Олегом Анофриевым, Марией Лукач, Львом Мирковым и Марком Новицким. С Аликом Писаренковым мы сделали программу, в ней был занят блестящий пианист Левон Оганезов, и поехали на целину. Мы показали этот сборный концерт в Актюбинске, Павлодаре, Омске и других городах. Я не был бригадиром команды, на эту должность назначили более старшего и опытного человека, но смело могу похвастаться, что являлся «мотором», организатором этого действия, и мне это было интересно не только творчески, но и финансово.

В те времена я много работал от бюро пропаганды кино. Ездил с Людмилой Гурченко, аккомпанировал Веронике Кругловой, Ирине Подошьян, Афанасию Белову. Бюджет, выделяемый профсоюзом на проведение мероприятий, был очень ограниченным. Мы обслуживали зрителей сельских регионов, праздничные мероприятия

на производствах — иногда выступали на заводе ЗИЛ, в троллейбусном парке... Концерты были, конечно, не такие шикарные и масштабные, как сейчас на корпоративных вечеринках.

Но именно на этих «маленьких» концертах я приобрел свой опыт, навыки и вообще изучал технику создания и проведения эстрадного действия, и главным в этом было наличие артиста, зрителя и посредника в лице представителя заинтересованного государственного учреждения и «Москонцерта».

Подспудно я всегда мечтал о своем «деле», но, как я уже говорил, наиболее четко эта мечта определилась в 70-м году в Японии, где я увидел такую шикарную богатую творческую палитру, такое разнообразие музыкальных проявлений в искусстве, что совсем потерял голову. На сценах дружно уживались джаз, фольклор, классика и «чистая» эстрада, так называемая поп-музыка, которая представляла собой коктейль из всех этих музыкальных направлений. Недаром при первом нашем появлении на «голубом экране» прозвучали две песни очень разного характера: сугубо эстрадная «Увезу тебя я в тундру» и старинная народная «Пойду ли, выйду ль я».

Накануне отъезда на Кубу я был приглашен на прием к Екатерине Алексеевне Фурцевой — тогдашнему министру культуры. Я потом подумал, что, наверное, был одним из последних, кто видел ее живой: в ту ночь Фурцева ушла из жизни...

Е.А. Фурцева была для меня уважаемым человеком: она очень внимательно относилась к молодым, да и к народным и заслуженным артистам тоже. Помню, как тепло она поздравляла меня с лауреатством, какие добрые напутствия давала перед поездкой на Кубу — нам предстояло выступать там почти два месяца. Я пробыл у нее в кабинете 20 минут и заметил, что она неважно себя чувствовала. Поскольку я ехал руководителем группы, она попросила меня лично

передать письмо послу и от ее имени произнести со сцены приветственные слова кубинскому народу.

Я запомнил, как она вышла из-за стола, шагнула мне навстречу и чуть не упала, так сильно ее качнуло. Но она быстро взяла себя в руки и села, предложив мне место рядом с собой. Разговор был очень дружеским: Екатерина Алексеевна расспрашивала меня о музыкальном конкурсе, советовала, что посмотреть на Кубе, где побывать, сказала много добрых слов обо мне лично, что было очень приятно. О ее смерти мы услышали по радио уже на Кубе. Министром культуры назначили П. Демичева. Это было в конце октября. Прощались с ней во МХАТе им. Горького. Такая была встреча и прощание с Е.А. Фурцевой — незабываемым и красивым министром нашей культуры.

С самого начала я совершенно точно знал, каким он должен быть — ансамбль моей мечты. Может быть, я опять повторяюсь, но рука сама пишет эти строки. Я хотел, чтобы

Фрагмент концерта. 1973 год

мой вокально-инструментальный ансамбль исполнял песни понятные, доступные моему родному зрителю, для которого я и создавал все это. Хотел, чтобы песни были созвучны эпохе, в которой мы жили. Я мечтал об исполнителях, которые пели бы и играли на современных инструментах — обязательно должны быть барабаны, бас-гитара, электрогитара, орган и духовые инструменты. Передо мной стояла задача создать ансамбль, где ребята пели бы и сами себе аккомпанировали. Трубач должен петь, клавишник должен петь, гитаристу петь сам Бог велел.

И еще. В тогдашних коллективах, именуемых ВИА, отсутствовал женский голос, а мне очень хотелось, чтобы в наших песнях он звучал. И вот появилась Ирина Шачнева. Эта вокалистка обладает уникальным талантом. Ей было всего 19 лет, когда она вошла в нашу команду. Выпускница дирижерско-хорового факультета Гнесинского музыкального училища, Ирина поразила меня своим замечательным голосом и абсолютным слухом.

Она обожала The Beatles и пела их песни на английском языке. Иру привел к нам Слава Добрынин. Он был знаком с ее мужем Алексеем, который позднее пришел работать к нам звукорежиссером, хотя играл на басу, но в «Самоцветах» на басу играл я сам, потому что в те времена нельзя было быть только художественным руководителем ансамбля, надо было еще и быть исполнителем.

Ира очень быстро стала своеобразным центром, вокруг которого располагались мужчины-солисты. Тогда на эстраде «лицо» ансамбля определялось репертуаром. Например, «Беловежскую пущу» лучше, чем «Песняры», не спел никто. И я утверждаю, что лучше нас песню «Мой адрес — Советский Союз» никто не исполнил. Для зрителей эта песня существует только в нашей «подаче».

В первом составе ВИА «Самоцветы» играл Лева Оганезов, который аккомпанировал Олегу Анофриеву. Мы даже хотели назвать коллектив «Бременские музыканты». Этот мультфильм тогда лидировал на киношном Олимпе, а Анофриев был очень востребован, этот певец и артист пользовался фантастической популярностью у народа. Когда-то

Олег являлся ведущим актером Центрального детского театра, и я думаю, на драматической сцене его ждала не меньшая слава, чем на эстраде. Для моего творческого формирования этот человек сделал очень много, и я не перестаю говорить ему «спасибо».

Опыт работы, который я приобрел с Олегом, дал мне возможность определиться в моих творческих фантазиях. Он исполнял много песен советских композиторов, сочинял сам, предпочитал писать музыку на стихи Бернса. Мне это до дрожи нравилось, и именно с Олегом Анофриевым я выработал некую концепцию будущего коллектива.

Пишу эту книгу, и память подсказывает: сколько же людей советами, добрым участием и просто вниманием помогали мне в создании «Самоцветов»! Как не рассказать о встрече в Японии с Борисом Сергеевичем Бруновым? Тогда на «Экспо-70» каждые 2 – 3 недели приезжали разные сборные актерские группы из всех союзных республик, постоянной была только наша группа от Министерства культуры. С одной из актерских групп приехал Борис Сергеевич. Мы рады были видеть друг друга, нас уже тогда связывали добрые человеческие и «рабочие» отношения.

В одной из наших бесед я поделился с ним мечтой приобрести оборудование для ансамбля, который хотел создать. Борис Сергеевич в то время еще не был народным артистом и художественным руководителем Государственного театра Эстрады – он был просто артистом «Москонцерта» и безумно популярным конферансье. Я рассказал, что кое-что поднакопил и кое-что приобрел – каждый раз, когда в руках оказывались деньги, покупал то микрофон, то гитару... Он очень это дело одобрил и познакомил меня с Катей Тархановой, которая работала в передаче «С добрым утром» и постоянно привлекала в свою программу новых артистов. Катя сразу прониклась идеей создания ансамбля, и в течение довольно долгого времени мы с ней обсуждали мои творческие идеи и проблемы. Жизнь в выставочных павильонах «Экспо-70» кипела, как вода при 100 градусах. Приезжали высокие гости, члены правительства, среди

них была и Е.А. Фурцева. Мы буквально жили в нашем павильоне, там постоянно шли концерты.

На этой престижной выставке было представлено 140 стран. Мы с Катей ходили по павильонам, смотрели выступления разных концертных групп. И обязательно каждую субботу в 00:20 на телеэкране появлялся Том Джонс с большим оркестром — биг-бэндом. Это было нечто! Джонс тогда только начинал свою феерическую карьеру. Но уже в 1970-м году он был очень популярным в мире исполнителем. Мир сходил с ума от его песни «Delilah». У нас ее русский перевод осуществил один из самых талантливых поэтов-песенников того времени Онегин Гаджикасимов, автор текстов таких песен, как «Восточная», «Мир без тебя», «Эти глаза напротив» и, конечно, «Делайла». Как я тогда мечтал, чтобы у меня в будущем ансамбле появился певец, который пел бы с такой отдачей, как Том Джонс: «Нет у меня ни гроша за душой — это верно!»

Вернувшись из Японии, я сразу начал формировать коллектив и репетировать. Когда я позвонил Кате Тархановой и рассказал об этом, она дала мне очень дельный совет: «Юра, начинай работать с Фрадкиным, у него есть замечательная песня, и я думаю, что Фрадкин — тот композитор, который вам нужен». Катя Тарханова «навела» меня на М.Г. Фрадкина и всегда была верным помощником в моих творческих исканиях в 70-е, такие далекие ныне годы. Я все время ловлю себя на том, что в своих «мемуарах» мне хочется вспомнить как можно больше людей, которые были со мной в то время. Ведь это было начало и очень нелегкое начало ВСЕГО...

Марк Фрадкин — замечательный композитор, он дал нам «Увезу тебя я в тундру» и рикошетом подарил название ансамбля, ведь «Самоцветами» мы засверкали от блеска его песни. Позднее Марк Фрадкин познакомил меня с Пляцковским, и песни этих замечательных авторов стали базой, основой, на которой формировался репертуар нашего коллектива. И вдруг я встречаюсь и очень активно начинаю общаться с Эдуардом Кроликом, он тогда руководил квартетом «Лада», который работал в оркестре Олега Лундстрема. А мне как раз очень не хватало грамотного вокального организатора, и я пригласил

Кролика перейти к нам в ансамбль. Мы тогда готовили программу на показ в «Москонцерте», и я пересмотрел очень многих исполнителей. В результате этих «смотрин» к нам присоединился Жарков. У нас образовался состав из восьми человек — Маликов, Кролик, Шачнева, Раппопорт, Пузырев, Пильщик, Березин, Жарков. Программу мы сдали 14 июля 1971 года, и таким составом отправились в первую гастрольную поездку.

Помимо всяких творческих и организационных дел, параллельно решались личные проблемы. У Эдика Кролика было великое множество поклонниц — ничего удивительного: красивый артист с замечательным голосом, он блестяще исполнял песню О. Иванова «Горлица». Эдик очень быстро стал моим родственником, женившись на сестре моей жены.

Не все прежние друзья оказались верными до конца, к сожалению, были друзья — стали недруги. Был у нас барабанщик Николай Раппопорт, старше меня лет на восемь, казался мне человеком опытным, я был к нему очень расположен и делился с ним всеми своими планами и идеями. Когда я создавал «Самоцветы», он, естественно, был рядом, играл в первом составе нашего ансамбля и выходил на сцену вместе со Славой Добрыниным. Потом он от нас ушел, взял псевдоним Николай Михайлов и стал руководителем ансамбля «Пламя». Кажется, ничего особенного — ушел с одной работы на другую, сменил имя... И я бы не вспоминал о нем с такой горечью, если бы этот самый Коля Раппопорт-Михайлов не опубликовал в интернете информацию о том, что проект ВИА «Самоцветы» был разработан и создан им. Я не расстроился — рассердился, а это со мной бывает крайне редко. «Самоцветы» — мое кровное детище, я не собираюсь выступать в роли суррогатного родителя и никому и никогда свой ансамбль не отдам. К сожалению, Н. Раппопорт (Михайлов) оказался не единственным, кто пытался присвоить имя «Самоцветов», а позднее и наш репертуар.

А теперь о тех, о ком действительно стоит говорить и вспоминать.

Лева Оганезов — виртуозный пианист, блестящий эстрадный артист и удивительно добрый и умный человек. Работать с ним — это «праздник, который всегда с тобой». Однажды Лева не смог поехать с нами на гастроли, и мы вынуждены были искать пианиста. Наш музыкант Гена Макеев сказал мне, что в таксопарке репетирует его брат Леша Пузырев, и мы с ним пошли туда. Кстати, в таксопарке на репетиции я впервые познакомился со Славой Добрыниным, он тогда еще был Антоновым и только что окончил МГУ. Мне эти ребята — и Леша Пузырев, и Слава Добрынин — очень приглянулись. Им тоже мое предложение создать новый ансамбль показалось интересным. Материальной заинтересованности они в таксопарке не имели, там платили очень мало. Я же предлагал более интересные творческие и финансовые перспективы. И вот мы все оказались вместе: Коля Раппопорт, Гена Макеев,

Юрий Маликов и Татьяна Коршилова

Леша Пузырев, Слава Добрынин, который очень скоро привел Иру Шачневу.

Тут судьба свела меня с Сережей Березиным — очень талантливым человеком. Прекрасный музыкант, интересный аранжировщик, Сережа всегда очень уверенно и органично вписывался в сценическое действие. И неважно, что мы потом расстались: у него «Пламя», у нас «Самоцветы». Важно, что в историю создания ВИА на российской эстраде мы вошли как единомышленники и партнеры. Позднее я пригласил в нашу команду Леву Пильщика.

Директором «Москонцерта» тогда был товарищ Владимир, он и должен был решить мою судьбу и судьбу моих музыкантов. Владимир сказал: «Я не против, уже есть на эстраде ВИА «Веселые ребята», «Голубые гитары». Вы будете третьими. Но все решает художественный совет. Даст худсовет добро — дерзайте. Я за поиск и находки!». Члены худсовета в «Москонцерте» прекрасно понимали, что эстрада — это такой вид искусства, который все время должен находиться в поиске, степна одном месте никого надолго не увлечет, надо двигаться и фантазировать. Я получил «добро» худсовета и «букет» напутствий. Все это меня устраивало и вдохновляло. Хочу сказать большое спасибо музыкальным руководителям «Москонцерта» Б.М. Холопенко и С.Х. Мелику, с которыми я дружил.

Мы начали репетировать, и тут я совершил очень важное дело: я первый заставил Славу Антонова (Добрынина), который был страшным битломаном, запеть по-русски. К нам примкнул флейтист Глеб Май. Мы стали исполнять песню «Туман» из кинофильма «Хроника пикирующего бомбардировщика», эту песню принес Глеб, а Ира предложила «Пойду ли, выйду ль я». Так понемногу начинал складываться наш первоначальный репертуар.

Судьба была к нам благосклонна. Я уже упоминал о нашей работе с Олегом Анофриевым. Она началась задолго до того, когда мы с программой «Товарищ кино» в 71 году гастролировали в Томске, где и сложились наши творческие отношения с Марком Фрадкиным. Марк Григорьевич как композитор исполнял в программе «Морзянку», мы все

ему подпевали и подыгрывали, а в перерыве он мне сказал: «Юра, у меня для вас есть песня, я уже ее отдал Краснознаменному ансамблю, но то, что они мне показали, меня не устраивает. А вот у вас, я думаю, получится как надо». Сейчас, наверное, такое не могло бы случиться — известный композитор просто так отдает ансамблю без имени и его создателю, какому-то Юрию Маликову, замечательную песню, и он же заверяет молодых музыкантов, что у них все получится! Это была песня «Увезу тебя я в тундру».

Мы очень волновались, когда ее репетировали, и ни до, ни после так не выкладывались. Дело в том, что мы очень боялись не оправдать доверия композитора. Потерпеть неудачу в начале творческого пути — это как сорваться с первого выступления, поднимаясь на вершину Памира. Через два дня в концерте мы исполнили песню М.Фрадкина, и публика принимала нас так здорово, что мы поняли: свой флаг на Памире мы водрузим. Теперь надо было на завоеванной вершине удержаться и прочно с комфортом устроиться.

Мы расписались с Люсей когда я еще учился, а она танцевала в «Мюзик-холле». Это был один из лучших эстрадно-театральных коллективов не только в Москве, но и в стране. В программах «Мюзик-холла» участвовали известные артисты, музыканты, там была замечательная балетная труппа, а руководил этим коллективом режиссер очень высокого класса и невероятный фантазер А.П.Конников. Александр Павлович — автор известной книги «Мир эстрады». Это ему принадлежат замечательные строки, возвеличившие наш жанр до ранга высокого искусства: «Многими замечено, что после хорошего эстрадного представления наступает какое-то особо бодрое настроение, словно вдохнул чистого воздуха, расслабил напряженные нервы после тяжелой работы. Ошибочно считают, что такой эффект создает «легкость» эстрадного искусства. Наоборот, когда стараются достичь еще большего «облегчения» — поменьше мыслей, поменьше смысла,

Юрий Маликов

Диме 2 года

поменьше ассоциаций с насущными заботами и тревогами дня, когда доводят эстраду до пустоты воздушного шарика, искомое чувство — увы! — не приходит, наоборот, люди покидают зал раздраженными, в дурном расположении духа. Стандарт и шаблон вопиюще противоречат основным творческим законам эстрадного искусства и мешают ему выполнять свои важнейшие социальные функции».

И вот этот знаменитый А.П. Конников пригласил меня работать в оркестр Московского «Мюзик-холла». Я с радостью согласился: меня привлекала работа в одном коллективе с Люсей и перспектива поездки на три месяца в Латинскую Америку, куда должен был отправиться на гастроли Московский «Мюзик-холл». Жизнь, казалось, меня балует: я репетировал в оркестре, купил свою первую машину — это был «Москвич», и должен был выехать на гастроли в Ленинград вместе с музыкантами «Мюзик-холла». В связи с тем, что у меня появилась машина, мы все — я, Люся и Валентина Феокистовна, моя теща, прибыли в город на Неве на собственном транспорте. Гастроли продолжались целый месяц. Мы жили в гостинице «Октябрьская». Люся танцевала в балете, я играл в оркестре... Замечательно!

Готовясь к поездке в Латинскую Америку, мы репетировали днем и ночью. Визы были уже оформлены, когда что-то произошло, возможно, в политике, и в результате наша поездка была отменена. Естественно, никто ничего нам не объяснил. Эта отмена зарубежных гастролей была ядром, пробившим днище корабля Конникова, и, как всегда, с тонущего корабля первыми побежали крысы. Кстати, творческий закат Московского «Мюзик-холла» совпал с появлением Ленинградского «Мюзик-холла».

Я пострадал меньше всех: человек я был новый, привыкнуть к традициям и коллективу не успел, а как музыкант я был достаточно востребованным, чтобы сетовать на отсутствие работы. Меня тогда пригласили в концертную бригаду, выезжающую в Грецию. Помню, эта поездка принесла изрядный финансовый плюс нашему семейному бюджету, и тогда я решил реализовать свою мечту о собственной квартире и вступить в кооператив.

Мне удалось уговорить Люсю уйти из «Мюзик-холла», который еще продолжал проявлять признаки жизни. Не могу сказать, что ей пришлось по душе мое предложение. Но делать было нечего, мы уже ждали своего первенца, надвигались хлопоты по благоустройству жилья. Чтобы не терять форму, Люся стала готовить сольный номер, в котором был задействован и я. Когда я перетягивал ее из «Мюзик-холла», то видимо был чересчур активным, что вызывало у нее раздражение. Этот сложный период наших личных отношений, слава Богу, благополучно завершился рождением первенца — Димы. Именно в это время мы стали хозяевами собственной кооперативной квартиры, это была реализованная мечта, рядом с которой «производственные» нюансы не казались проблемами. Я очень хотел сына, и был невероятно счастлив, когда он появился. В профессии, мне кажется, выбора у него не было: все вокруг дышало и жило музыкой, мелодии лились рекой. В доме, где мы поселились, музыка жила в каждой квартире — с нами соседствовали композиторы, музыканты и певцы. Праздники мы отмечали дома — тогда это было модно.

Дима рос спокойным и каким-то не по возрасту мудрым ребенком. Он не отлынивал от музыкальных занятий и активно занимался спортом: летом играл в футбол, зимой — в хоккей, благо хоккейная площадка находилась во дворе школы. У него всегда было много друзей. Дима очень рано проникся моими профессиональными и организаторскими интересами. Помню, приезжаю домой и спрашиваю Валентину Феокистовну: «Кто мне звонил?». Пока она припоминала, подбежал Дима и четко отрапортовал: «Папа, тебе звонил Фрадкин (композитор), Прудкин (директор) и Плоткин» (администратор).

Когда-то мудрый и смелый писатель и летчик Антуан де Сент-Экзюпери сказал слова, которые стали для меня определяющими в отношениях с людьми: «Нет большего счастья, чем

счастье человеческого общения». Мне есть кого вспомнить, кому сказать спасибо, есть о ком поплакать и с кем разделить радость творческих и жизненных свершений. Мне есть, кем и чем гордиться! Когда я писал эту книгу, все время мысленно обращался к очень многим людям. Я тосковал о тех, кого нет, и благодарил Бога за дружбу и понимание тех, кто рядом.

Иногда мне очень хотелось вдруг очутиться на родном хуторе и прижаться лицом к маме, чтобы почувствовать ее тепло и особый родной дух моего дома. Этот дом пах мамой, ее обедами, ее руками, немудреными духами. А как хотелось бы почувствовать на своем плече руку отца и через это прикосновение зарядиться верой в то, что все будет хорошо, и услышать, что он гордится мной и своими внуками.

Я так благодарен моим родителям, дедушкам и бабушкам, тетям и дядям за их любовь и добро, что согревали меня в детстве, за то, что они научили уважать и беречь людей, которые рядом. Я высоко ценю то, что сделано для общества, и то хорошее, что ты сделал для своей семьи. Это у моих стариков я научился понимать людей, входить в их безвыходное положение и стремиться помочь тому, кто нуждается в помощи.

Конечно, это замечательно, когда тебя слушают, и ты имеешь право что-то решать, но не менее замечательно, если ты умеешь слушать и слышать и уверен, что если тебе понадобится помощь, друзья протянут руку. Я рад, что рядом со мной есть люди, на которых надеюсь: мне приятно общаться с Михаилом Шабровым, человеком умным, добрым, автором прекрасных песен и стихов. Я глубоко уважаю Виктора Афанасьевича Моисеева, первого вице-президента двух творческих союзов — Союза музыки и Союза эстрады. Это удивительный человек, понимающий все твои проблемы, ему можно доверить все, что тебя волнует. Он очень хорошо умеет слушать и умеет помогать. У меня были, есть и будут семья Банков, Алла и Миша, которым я многим обязан. Это здорово, когда есть «жилетка», в которую можно поплакать.

Не все свои проблемы ты несешь в семью — есть дела, которые нуждаются в обсуждении и совете профессионалов, которым ты доверяешь. Недавно из жизни ушел заслуженный артист России конферансье Игорь Киричук. Он был замечательным знатоком западного и европейского искусства. Как мне было с ним интересно! Игорь много дал мне с точки зрения эстетического восприятия мира. Когда-то он замечательно вел концерты оркестра О. Лундстрема и сборные концерты, очень часто я приглашал его вести наши программы. Отношения наши вряд ли можно назвать дружбой, но это было замечательное человеческое общение. Оно мне много дало для души. Мне будет очень не хватать Игоря, и я низко кланяюсь его памяти. Так же давно нет и моего друга Эмиля Радова, большого мастера эстрады.

Мне везет на хороших людей. Есть у меня и у моей семьи очень близкие люди — Виталий Михайлович и его жена Любочка. Их маленькую дочку Машу крестила моя Инна,

*Маликову Юрию Федоровичу
в день рождения*

*Хороша была эстрада,
Были юмор и фольклор,
Шутки, танцы, акробаты
И серьезный разговор!*

*Много из того пропало,
Наши песни не слышны.
Не хватает, скажем прямо,
Для раскрытия души.*

*А названья коллективов
Непонятны стали, тупы,
Если раньше были ВИА,
То теперь зовутся группы.*

*Есть «Тату», «Виагра», «Корни»,
«Крематорий», «Мумий Троль»,
От названия которых
В голове сплошная боль.*

*Но искусство все ж всеильно,
Как народные приметы.
Есть и бугут у России
Маликов и «Самоцветы»!*

*Словно камни дорогие,
«Самоцветы» все ценнее,
Потому что вместе с ними
Стали мы душой сильнее.*

*Добрый, мудрый, хлебосольный,
Ты уже немало лет
Украшаешь клуб футбольный,
Самый главный «самоцвет».*

*В поле мудро ты играешь,
Видишь все издалека.
Никогда не забываешь
Крикнуть вовремя «Рука»!*

*Для тебя футбол – работа,
Ты не можешь есть и пить,
Если встанешь на ворота,
Гол так просто не забить.*

*Позволь же, Юра, в день рожденья
От всей команды пожелать
Успехов, творческих мгновений,
И про футбол не забывать!*

*От грузей по клубу
«Лейб - медик» 6 июля 2004 года*

так что мы почти родственники: моя дочь — крестная мама дочери Виталия Михайловича. Фамилию его я не называю, потому что не знаю, как он отнесется к упоминанию о его добрых делах и его помощи мне в трудную минуту. Но на страницах своего жизнеописания я хочу сказать в адрес этого человека самые теплые слова и пожелать его семье покоя, здоровья и благополучия. Кто знает, если бы не его помощь, писал бы я сейчас свою книгу, балуя себя экскурсами в прошлое и радуясь настоящему? Об этом забывать нельзя.

Среди дорогих и уважаемых людей — все члены футбольной команды «Лейб Медик». Это врачи, причем врачи высочайшего класса, люди известные, авторитетные, они к тому же удивительно добрые и классные мужики. Мы вместе играем в футбол, я один или два раза в неделю тренируюсь в нашем футбольном клубе и получаю высочайшее удовольствие от общения с этими людьми. Вообще, это замечательно, что мы, люди «серьезного» возраста, с различными недомоганиями, так по-юношески носимся с мячом. Мы тренируемся в закрытом спортивном комплексе, там же плаваем в бассейне, ходим в баню, а иногда и просто приезжаем и обсуждаем свои проблемы. Это и есть высшая роскошь — человеческое общение!

И я бываю очень счастлив, когда бегу за мячом рядом с моим другом Сергеем Павловичем Мироновым. Мы оба чувствуем себя мальчишками, уверенными, что «вся жизнь впереди». Сергей Павлович — не только врач, знающий, как лечить физические недуги, он хорошо изучил человеческую природу, и справляться с душевными болями людей ему тоже под силу.

Конечно, рассказать обо всех невозможно. Но спасибо судьбе — она дарила мне с самого начала появления в Москве встречи с людьми, ставшими легендами нашего искусства, и люди эти относились благосклонно к создаваемому мной ансамблю и помогали, очень помогали! Смоктуновский, Брунов, Шукшин, Катя Тарханова, Фрадкин... А разве я могу забыть помощь Эры Куденко, 8 августа 1971 года — наш первый эфир на радио. Эра говорит: «И как будет называться ваш ансамбль?». Я отвечаю: «Пока не знаю».

С Анатолием Ромашиным. 1993 год

«А давайте обратимся к радиослушателям!». «О-ля-ля! — закричал я. — Это было бы так здорово!».

Потом больше тысячи писем пришло, и были очень интересные предложения, только нам они не подошли. Мы сами нашли самое лучшее и красивое имя! А когда раздавали автографы, так шикарно подписывались — «Самоцветы».

Ко мне после концерта часто подходят с вопросом: «А можно с Вами сфотографироваться на память?» или: «Подпишите программу, афишу, фотографию...». Я к этому очень хорошо и внимательно отношусь. Во-первых, это часть нашей профессии, во-вторых, свидетельство интереса к вашей персоне и вашему ансамблю — однажды в Серпухове я после концерта часа полтора общался со зрителями, фотографировался, давал автографы, слушал хорошие слова и их пожелания... Еще раз могу сказать: нет ничего дороже человеческого общения.

Сам я в своей жизни взял только три автографа. Это было в Москве, в пресс-клубе на седьмом этаже гостиницы «Москва». Теперь этой гостиницы нет, но в моей памяти это культовое место будет существовать всегда. Именно там в

былые времена собирались после творческих событий и просмотров все артисты и журналисты. В этом пресс-клубе в 1963 году проходила встреча участников не помню какого кинофестиваля. Кого там только не было — Ив Монтан, Софи Лорен, Джина Лоллобриджида, Тони Кэртис! Они общались, пили коктейли. А мы, и я в том числе, сопровождали это общение тихой музыкой. Ансамбль у нас был полуджазовый, полусалонный, и играли мы интернациональную музыку — не пели, только играли. Среди этого «созвездия» я выбрал своего любимого актера и взял у него автограф. Актер, когда я его попросил об этом, даже смутился:

— Что вы, почему у меня? Смотрите, сколько здесь знаменитостей! Мне даже как-то неудобно.

— Вы — мой самый любимый артист, и фильмы с вашим участием я могу смотреть бесконечно: «Два бойца», «Трактористы», «Большая семья»...

Народный артист СССР Борис Андреев усмехнулся, достал фотографию и расписался. Это очень дорогая для меня память!

И еще однажды я взял автограф у Бени Гутмана, который расписался на билете своего концерта.

А о третьем автографе (имея ввиду премию Ленинского комсомола) я уже рассказал.

Мне хочется сказать искреннее спасибо многим моим друзьям, которых я не упомянул в своей книге. Особенная благодарность — Борису и Олегу, которые помогли мне осуществить задуманный юбилей, а также всем, кому дороги «Самоцветы».

На этих страницах я часто низко кланяюсь памяти ушедших моих наставников и друзей. Это не художественный ход, а мое истинное признание великого значения помощи и поддержки людей, которым я обязан очень многим. И не надо меня корить за эти поклоны — только так я могу выразить им свою безмерную благодарность и уважение за все сделанное для меня.